

ЯНИНА ЛОГВИН

ОСКОЛКИ ТЕБЯ

P.S. Навсегда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Янина Логвин

Осколки тебя. P.S. Навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67699373

SelfPub; 2022

Аннотация

Я ненавидел ее с такой же силой, как и любил, пока однажды не потерял. Мне нравится, как она говорит, как двигается и как смеется. Как поднимает голову и смотрит на меня, убирает за ухо пряди чуть выющихся волос и слегка краснеет, когда я прошу ее рассказать о себе. Мне все равно что, лишь бы только поверить, что эта девушка существует. Лишь бы поверить, что прошлые ошибки еще можно исправить.

Книга вторая.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Янина Логвин

Осколки тебя. P.S. Навсегда

Глава 1

Сэндфилд-Рок

Картер

Три с половиной года спустя...

Я тот, кто высечен из льда.

Я тот, чей рассвет на исходе.

Прогони холод из сердца,

Приложи к нему ладонь.

Ты слышишь, как оно бьется?

Согрей меня,

Согрей меня,

И ледяного человека не станет.

The Middle Finger theory “Ice Man”

Шум океана – такой же вечный, как тьма, живущая в нем. Он никогда не замолчит и не стихнет, где бы я ни находился, ни в моей памяти, ни в душе. И не отпустит, пока однажды не заберет себе то, чем наделил сполна.

Влажный, прохладный бриз, пропитанный запахами соли и йода, касается ноздрей, и я жадно втягиваю его в легкие, до предела обостряя чувства. Замираю на краю обрыва, впиваясь суженным взглядом в бескрайнюю гладь воды – волнующуюся и сизо-бурую в последних красках заката.

Пройдет немного времени, и океан легко дождрет эти краски, чтобы снова стать собой – черной, рокочущей бездной, слившейся с небом. Голодной и алчной, не возвращающей никому ничего, даже крупицу надежды.

Я ненавижу этот шум и это место на Утесе, но прихожу сюда снова и снова. Просто потому, что не могу иначе.

Прошло почти четыре года с той памятной ночи, а я все еще слышу свой собственный крик, когда сорвался в эту бездну на мотоцикле вслед за ней – исчезнувшей для меня навсегда девчонкой Холт.

– Картер? Картер!

Я вынимаю руки из карманов брюк, достаю из куртки пачку сигарет и чиркаю зажигалкой. Подкурив одну, делаю длинную затяжку, не спеша выпускаю дым и только тогда откликаюсь:

– Не ори, Лу, так, будто тебе отстрелили яйца. Я слышу. Что там?

– Они не отстают от Криса – проклятые копы! Им мало обыска у нас, они продолжают рыть дальше! У этой твари Хиггинса свои люди везде, и если они доберутся до ребят в Роли – мы сядем все! Я и отец! Придумай что-нибудь,

Картер! Ты же почти чертов законник! У Мэтью выпускной, а Бетти через месяц рожать! Она не перенесет, если Криса упекут! Кто тогда позаботится о них с ребенком?

Я медленно выпускаю дым, продолжая смотреть на волны. У самого обрыва под пенными гребнями они почти чернильные, и лишь чуть дальше, у низкого горизонта, проблескивают тяжелым маслом. В который раз я прихожу сюда и вглядываюсь в них, зная, что ничего не увижу. Сколько еще буду приходить, заиклившись на этом Утесе свой путь. С чего вдруг Лукас решил, что кому-то из нас дано знать ответ?

– Ты уверен, Лу, что об этом стоит спрашивать меня?

Палмер матерится сквозь зубы, и я говорю резче, потому что теряю терпение – с некоторого времени нам стало сложнее понимать друг друга:

– Раньше надо было думать, Лу! Я предупреждал вас, еще когда Бетти вернулась из Огайо, что будут проблемы. Для того, у кого есть мозги, два плюс два сложить не трудно! Такие, как Хиггинс, ничего не забывают.

– Знаю. Но, черт, Картер! Нам нужны были деньги! В прошлый раз все так гладко сошло с рук, а эта крыса будто специально нарывается! Ты знаешь, что он сказал Бет, когда увидел ее в городе? Что он скорбит о ее папаше, но с удовольствием покажет место в Рваной лощине, где тот свернул себе шею, если она вдруг вздумает усложнить ему жизнь. Предлагаешь нам с Крисом это просто сожрать? Да ты сам говорил после того, как Хиггинс купил бизнес Марка Холта,

что он давит на твоего отца, и тебе это не нравится. Черт, как ты не понимаешь, Картер! Эта сволочь уже завтра станет хозяином Сэндфилд-Рока, а мы ему позволим? Кто-то должен заставить ублюдка убраться отсюда!

– Заткнись, Палмер!

Я оборачиваюсь к парню, стоящему позади меня на Утесе, и впиваюсь в него взглядом. Но тут отвлекает движение фигуры, выросшей чуть в стороне. Это Стивен. Он как всегда сутулится и смотрит исподлобья, но больше не выглядит дерганым и отвечает мне знаком, показывая на тачку с парнями, которая только что подъехала на пустырь.

Жаль, так и хотелось двинуть Лукасу в зубы. Кто бы мог подумать еще три года назад, сразу после нашей разборки с Реем, что Стив окажется с головой, и я стану доверять ему больше, чем лучшему другу.

Если я вообще способен кому-то доверять.

Я возвращаю взгляд к Палмеру и затягиваюсь сигаретой.

– Вы с Крисом – сраные ушлепки, Лу, возомнившие себя неприкасаемыми! Жалко Мэтью. Ты не подумал, что, если копы раскопают о Роли*, твой младший брат сядет в колонию вместе с вами лет на семь. И вот тогда на самом деле будет плевать, кто позаботится о Бет!

Лукасу не нравятся мои слова, но он проглатывает.

– Ладно, пусть так, – соглашается. – Но что нам делать, Картер? Найди выход!

Я смотрю на него, и он просит, шагнув перед:

– Пожалуйста...

Он еще не заткнулся, а его просьба уже врзается в меня, заставив отшатнуться и стиснуть челюсти.

«Картер... пожалуйста!»

Ненавижу это слово, не могу слышать.

– Замолчи, Лукас. Просто заткнись! Мне нужно подумать.

Я возвращаюсь домой уже поздно ночью, когда на улицах не видно ни души, но отец еще не спит. Заметив мое возвращение, он выходит ко мне на кухню и садится за стол. Ничего не говорит, просто наблюдает за тем, как я готовлю себе ужин у плиты, подперев небритый подбородок кулаком.

Я благодарен ему за молчание, он дает мне время подумать о своем, но пауза не продлится долго. После того, как Виктория поступила в колледж и сбежала в кампус, дом стал слишком большим для нас двоих, и тишина давит на нервы. Я тоже учился в университете, но все это время продолжал жить здесь, догадываясь о главном страхе отца – остаться одному. Возможно, однажды так и случится, но не сейчас. Пропадая из дому на несколько дней, я не раз предлагал ему с кем-нибудь сойтись, однако Джеральд Райт, сорокачетырехлетний успешный бизнесмен, по-прежнему предпочитал встречать сына на кухне. Словно нуждался в этой связи больше, чем в отношениях с женщиной.

– Ты поздно, Картер. Я ждал тебя, все не мог уснуть.

– Да, так вышло. Встречался с друзьями.

– Как дела в университете? Днем совершенно некогда с тобой поговорить.

– Все хорошо, пап. Тебе не стоит переживать насчет моей учебы, лучше подумай о Вик.

Я ставлю тарелку на стол и опускаюсь на стул. Начинаю есть, чувствуя сильный голод. Так часто бывает после того, как дашь выход эмоциям, а сегодня был сложный разговор с человеком, которого привез Стив.

– Сегодня вечером приезжали Виктория с Оливером, – рассказывает отец. – Мы вместе поужинали. Жаль, что тебя не было, – замечает с сожалением, и я на секунду вскидываю голову.

– И что? Как они?

– Вскоре собираются лететь в Сарасоту на неделю. Там у Оливера отец и, похоже, они давно не виделись. Я предложил им финансовую помощь. Кросби отличный парень, но, как студент, зарабатывает немного, а они молоды. Уверен, им пригодятся деньги. Впереди лето, пусть отдохнут во Флориде как следует.

После случая с отравлением нейрорептиками и долгой терапии в клинике, депрессия у сестры до конца не прошла и временами накатывает, проявляясь в желании бросить учебу и манипуляциях с отцовской привязанностью. И только Кросби, к моему удивлению, удастся с этим как-то справиться.

Если он согласился на помощь, значит отец действительно настоял сам, без капризов Виктории.

– Вик могла бы работать у тебя пару дней в неделю. Ей бы это только пошло на пользу.

– Возможно, – отец пожимает плечами и повторяет то, что я уже слышал от него не единожды: – Но мне кажется, она еще не готова.

Что ж, пусть так. Я бросаю на него взгляд, продолжая есть. Мы по-прежнему не близки с Вик, чтобы знать это наверняка.

– Пап, завтра я уеду. Может, на день, а может, больше. Не звони мне, я отключу сотовый.

– Куда?

– Неважно. Надо кое-что решить, как всегда.

Отец напрягается, убирает руки со стола и хмурится:

– Картер, мне не нравятся твои дела! Я ничего о них не знаю!

– Думаю, я это переживу.

Он не знает, что ответить, и задерживает дыхание в бессильном возмущении, на самом деле прекрасно понимая, что я мог вообще ничего ему не говорить. Однако вряд ли в этом мире есть еще человек, кому нужен Картер Райт кроме него, так что его чувства для меня что-то да значат, пусть и не отменяют решения.

– Ты встречался сегодня с Маршаллом? Я предупредил Джона, чтобы он предоставил тебе все документы, – отец переводит тему, но она напрямую связана с бизнесом нашей семьи и с типом, который появился в городе шесть лет назад

и за это время успел обрасти славой хитрой и беспринципной сволочи.

– Да, я ознакомился с сутью претензий Роакина Хиггинса.

– И? Ты согласен с Маршаллом, что лучшим выходом для нас будет с ним договориться?

– Нет.

Отец с облегчением кивает и с чувством взмахивает перед собой рукой.

– Я впервые сталкиваюсь с такой чудовищной ложью и наглостью, Картер! Никогда Райты не уходили от уплаты налогов и не пользовались услугами недобросовестных поставщиков. Наша семья одна из старейших и уважаемых в Сэндфилд-Роке, я бы не посмел бросить тень на имя своего отца. А выходит так, что от слухов, как от грязи, невозможно отмыться! Джон просто не знает, где этот Роакин подложит нам свинью, репутация у него скверная, но к бизнесу не подкапaeшь.

– Знаю. Тебе следует отказаться от услуг Маршалла, пап. Совсем.

Отец удивляется так, словно не верит тому, что слышит.

– Картер, – он отпускает недоуменный смешок, откидываясь на стуле, – это невозможно. Я работаю с ним двадцать лет!

– И, видимо, недостаточно хорошо его знаешь.

– У тебя есть причины подозревать Джона в продажности?

– Нет. Считаю это интуицией, но я ему не доверяю. Он

не ожидал того, что я разберусь с документами, и не смог объяснить, откуда у него такая предосторожность к Хиггину. По большому счету, все претензии последнего не стоят и выеденного яйца. По каждому отдельному заявлению требуется судебное разбирательство и ему, как юристу, это хорошо известно. А до тех пор это просто бумажки, годящиеся, чтобы ими подтереться – вот, что Джон должен был тебе сказать. Но ты прав, у них есть что-то, иначе бы они не вели себя так нагло.

– Что ты предлагаешь?

– Расторгни контракт с фирмой Маршалла и найди новую юридическую контору. Лучше в соседнем городе. Поверь, пап, Джон не стоит тех денег, которые ты ему платишь, раз уж его так легко взяли за яйца. Дальше нам нужно добиться ревизионного аудита компании «Холт&Хиггинс», и как можно скорее. Управление должно проверить всю финансовую отчетность фирмы-конкурента – квитанции, счета, оплаченные чеки. Сошлись на крупную ошибку в поставках товара от общего поставщика, в следствие чего обнаружилась недоимка средств, и на нежелание конкурентов сотрудничать. И только после этого мы выдвинем встречные претензии за клевету.

– Картер! – темные глаза отца расширяются. – Ты предлагаешь мне... смухлевать?

Когда сушит горло, пакет сока кажется жалким глотком. Я смотрю отцу прямо в лицо, отвечая:

– Я предлагаю тебе опередить Хиггинса на шаг и сохранить фирму. Он не отступит, пока не получит то, что ему пообещал Марк. Так пусть оружие будет в твоей руке, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Уснуть получается не сразу. Я долго лежу, закинув руки за голову, обдумывая слова человека из Джексонвилла, которого привез Стивен. Если его признание правда, то Хиггинсу осталось недолго жировать в Сэндфилд-Роке. То, что я собираюсь сделать, идет вразрез с законом, но я еще не забыл, кем являюсь, и готов рискнуть.

Мне это ничего не стоит, пока, засыпая, я продолжаю видеть зелено-карие, мягкие глаза Лены...

Девушки, которую я сначала разбил, а потом не сумел спасти.

Глава 2

– Мистер Райт! Одну минутку! Мне нужна ваша помощь! У меня что-то случилось с машиной – она не заводится! Вы не могли бы ее посмотреть? К сожалению, Марк уехал на весь день, и я осталась в доме совершенно одна! Это так не вовремя!

Высокая блондинка в светло-зеленой блузе и узких, коротких брюках, машет мне рукой и поспешно пересекает дорогу, когда я направляюсь к своему автомобилю, припаркованному у обочины, чтобы сесть за руль.

Еще утро, но Присцилла Холт уже успела сделать укладку, надеть каблуки и нанести на лицо яркий макияж. От нее разит дорогим, но безвкусным парфюмом, и я невольно морщусь, ощутив ее приближение. Нынешняя жена Марка Холта моложе бывшей лет на десять и отчаянно пытается ее изображать, однако не идет ни в какое сравнение с Адели. С тем покровом особой красоты и нежности, который всегда выделял эту женщину из числа других.

Не знаю, кого собирается обмануть Марк, создав из новых отношений дешевую подделку своей прошлой жизни – мне плевать. Гораздо больше меня интересует другое – зачем он вернулся в Сэндфилд-Рок и связался с Хиггинсом. Холт не давал о себе знать три года. После смерти Николаса и пропажи Лены исчезла и Адели. А после скандала с Викторией

стало ясно, что в городе останется кто-то один – либо Холт, либо Райты.

Ходили слухи, что бракоразводный процесс разорил Холта, всплыли детали о насилии в семье и, честное слово, если бы он не скрылся, я бы его сам достал. Но он уехал, а теперь вернулся с молодой женой – якобы, чтобы все продать. Что ж, пока меня это устраивало.

– Нет, я занят.

Я сажусь в свой автомобиль, не глядя на блондинку, но ее рука опускается на дверь рядом с моей, и мне приходится повернуть голову.

– Ну что еще?

– Вы не расслышали... У меня проблема, мистер Райт! Моя машина...

Я резко обрываю ее:

– Ничем не могу помочь, мэм. Обратитесь в сервис, телефон найдете в справочнике.

Она наклоняется и приближается ко мне, растягивает губы в улыбке, словно не верит в мой отказ. Проводит ладонью по волосам и задерживает пальцы на груди, привлекая внимание к глубокому вырезу блузы и виднеющемуся в нем краю черного кружевного белья.

Ее внешность для нее оружие, и она пытается его использовать. Кукольная стерва, и такая же дешевая, как ее маскарад. Не знаю, где ее нашел Холт, но если она не видит моего раздражения, то ей придется столкнуться с моей злостью.

– Картер, ты всегда такой колючий с симпатичными соседками? Что, даже не познакомимся? А я надеялась, мы подружмся. Такой красивый парень, и такой неприветливый! Ты можешь называть меня Присцилла, хотя для всех других я – миссис Холт!

Она надеется на кое-что большее, это видно по взгляду, и совершенно точно отнимает мое время. Я включаю двигатель и предупреждаю блондинку с холодом в голосе, не собираясь с ней играть:

– Слушай, соседка. Я даю тебе две секунды, чтобы ты убрала пальцы с моей машины, если хочешь сохранить их целыми. Мне плевать, как тебя зовут и откуда ты взялась. Если я захочу кого-нибудь трахнуть, это будет кто-то подороже тебя.

Ее глаза с кукольными ресницами изумленно распахиваются, но только на миг. Нас здесь двое, и мы оба знаем, о чем говорим.

– Что?! Да как ты смеешь... Мальчишка! – возмущается кукла, но пальцы отнимает за мгновение до того, как краснеет, а я хлопаю дверью автомобиля, срываясь с места.

Пошла она! Я раздраженно ударяю по зеркалу заднего вида, отворачивая его. Больше никаких гребаных Холтов. Никогда!

Стивен ждет меня у выезда на южное шоссе. Как всегда курит, накинув капюшон на голову, и смотрит на дорогу,

опершись задницей на капот старой тонированной тачки с рекламными постерами на стеклах и дверях: «Сладкие пончики Робби!» «Ананасовый джем и фисташковая пудра!» «Кто успел – тот съел!» «Закажи дюжину – получи к ужину!»

Когда я подъезжаю к парню и выхожу из своего спорткара, он кивает в сторону салона, в котором сидит темнокожий Джеб и толстый тип с повязкой на глазах. Открыв дверь, я толкаю его, заметно вспотевшего, дальше по сидению, и сажусь рядом. Приспустив повязку, спрашиваю:

– Узнаешь?

– Картер! – предупреждающе шипит Джеб, но я крепко держу подбородок Хиггинса в пальцах, чтобы он не рискнул даже дернуться. А вот язык у здоровяка развязывается сразу же, как только с его рта отлепляется скотч. Однако вряд ли от простого желания поболтать.

Уверен, что эта хитрая, жирная крыса не раз и сам выкидывал подобное, но вот с ним еще так не обращались, и с его лысины стекают капли, а в глазах заметен страх. Шлейф слухов, ненависти и словесных обвинений, но ни одного доказанного факта преступления закона – вот личная заслуга Роакина Хиггинса. Эта удачливая сволочь слишком долго жил безнаказанным и уверовал в свою неприкосновенность. Пришло время ему об этом сказать.

– Ублюдки! Я вас уничтожу! Вы не знаете, с кем связались! Да я – будущий мэр Сэндфилд-Рока! Я вас на клочки порву!..

Приходится ударить его под ребра и заткнуть, хотя хочется заехать в челюсть, чтобы навсегда разучить скалиться. Но его физиономия мне нужна. Пока еще...

– Заткнись, свинья! – я говорю спокойно и негромко, совершенно точно зная, что он меня слышит. – Сиди тихо, и будешь цел, обещаю. Уже сегодня вечером будешь жрать свой Слоппи Джо* с какой-нибудь шлюхой... или цедить пюре из шпината вместе с женой, если я выбью тебе все зубы. Но сначала мы кое-куда прокатимся.

– Я узнал тебя. Ты тот надменный соплик из конторы...

На этот раз я ударяю сильнее, рванув вперед корпусом – так, что дыхание у Хиггинса обрывается на долгую минуту и закатываются глаза. У него покрасневшие сухие белки в сетке проступивших сосудов, а от потной кожи тянется узнаваемый запах. Однако новый косячок марихуаны этот любитель травки выкурит еще не скоро.

Я терпеливо жду, и он, наконец, понимает.

– Что... что ты хочешь от меня?

Мне не сложно озвучить свои условия, и я слежу за тем, чтобы он слушал внимательно, пока перечисляю ему, что именно он должен сделать.

– У тебя один шанс, Хиггинс. Не заставляй меня злиться по-настоящему.

Но этому борову тяжело «дышать» под прессом, и при моих последних словах его лицо наливается кровью.

– Ты идиот, щ-щенок, если надеешься выкрутиться! Я

упеку вас в тюрьму – тебя и твоего папашу! У вас не получится меня запугать! Я и не таким соплякам хребты ломал! – звучит многообещающе, однако тревога в глазах толстяка его выдает. А может, его кожу слишком глубоко щекочет лезвие ножа Джеба?

Я редко улыбаюсь, но это тот случай, когда оскал сам искажает мое лицо, а в голову ударяет азарт угрозы. Это чувство мне нравится, но еще больше нравится то, что Хиггинс это видит.

– Ну, давай, попробуй поломать меня, – я приближаюсь к нему и обещаю: – Но знай, что в следующий раз ты сдохнешь! Без вариантов и условий. А пока живи!

Я возвращаю на лицо толстяка повязку и скотч. Выхожу из машины, хлопнув дверью, и даю знак Стиву трогаться:

– Поехали, Стив! Звонил Лукас, у него уже все готово. Пора эту тварь впихнуть в привычную шкуру!

Дорога занимает несколько часов, но мы привозим Хиггинса в Джексонвилл неспроста – это место ему хорошо знакомо. Правда, времени с тех пор, как он был здесь в последний раз, прошло немало, но меня заверили, что он вспомнит.

Хиггинс жирная скотина, однако парни справляются и, не церемонясь, раздевают его догола. Зрелище мерзкое, но я здесь не для того, чтобы таращиться на борова, а чтобы заверить его в том, что в случае чего отстрелю ему все части тела, и начну с члена.

Он не дурак, и болезненно бледнеет, увидев в моей руке

оружие. Проведя параллель с прошлым, догадывается, что происходит и затыкается.

У того человека, с которым я говорил на пустыре, отсутствовали пальцы на обеих ногах. Хиггинсу вслед за членом я отстрелю башку.

Компромат на богатого развратника, которого ублажает молодой гей, должен быть правдивым, и парень перед толстяком старается. Его друг щелкает камерой, и фотографии, а затем и видео выходит, что надо. Когда все заканчивается, я показываю Хиггинсу на штаны и на документ, который с ручкой лежит на столе:

– Подпишешь, и можешь убраться. И не вздумай шутить с подписью, у меня сегодня плохое настроение. Завтра я собираюсь о тебе забыть, а ты забудь о Сэндфилд-Роке и своем желании стать мэром. Больше этот город тебе не по зубам!

В Хиггинсе больше двухсот фунтов, и он грузно оседает на стул. На фоне двадцатилетнего парня, стоящего перед ним на коленях, он выглядит именно той тварью, которой является на самом деле, и он это понимает. Тому, у кого есть история, трудно сопротивляться природе.

Я достаю деньги и бросаю их на кровать, кивнув на купюры шлюхе, который спокойно стоит у окна и курит с такой рожей, словно это не он только что обрабатывал жирную скотину так, что у того встал. Оставляю Хиггинса со своими парнями, разворачиваюсь и выхожу на улицу. Вставив сигарету в зубы, бездумно иду по ней вперед просто для того,

чтобы остудить ярость и разжать кулаки...

Я только что едва сдержался, чтобы никого не избить. Чтобы не слышать мысль, внезапно толкнувшуюся в сознание и выгнавшую меня из душной квартиры: *«А что будет с тобой в следующий раз, Картер? Как далеко ты однажды зайдешь, чтобы остаться на темной половине луны? На что окажешься готов?»*

Перед глазами, как много раз до этого, вдруг встает Николас Холт – там, в ночном океане, когда мы друг друга уже не видели, но чувствовали. Когда на пороге игры «Жизнь или смерть» мы вновь сошлись и ненависть вконец захлестнула обоих.

Тогда я ужаснулся тому, что он задумал, и был готов его убить раньше океана... Но не успел.

Он не собирался утонуть – сукин сын Холт! Он был уверен, что выплывет! Потому что опустил в «Шевроле» стекла и снял блокировку замков, надеясь, что вода наполнит салон и даст ему возможность открыть дверь. Я хорошо знал Ника, чтобы догадаться об этом. Нужно быть достаточно сильным, и все получится. Набрать воздуха в легкие, оттолкнуться от сидения, справиться с холодными волнами и доплыть до той части берега, где можно выйти на сушу.

Да, у него был хороший шанс выжить... но не у Лены.

Не у той, кто однажды уже едва не оказалась за гранью, и Ник об этом помнил.

Когда он сорвался в пропасть, он хотел, чтобы утонула она

– его сводная сестра, которую он желал, но так и не получил.

В тот день дул северный ветер, и течение несло волны вдоль берега, высоко облизывая пенными гребнями скалы Утеса. Удар машины о воду оказался таким сильным, что сработала подушка безопасности и «Шевроле» накренило. Ника мгновенно вжало в кресло, не позволив выбраться из-за руля, и он попал в ловушку. Вода наполнила салон и потащила автомобиль вниз...

Мне хорошо был слышен крик Лены – испуганный и беспомощный. Когда я до них добрался, я поймал ее руки и почти вытащил из машины сквозь открытое окно, но эта сволочь мешала нам. В темноте я не видел его, но знал, что он держал ее ногу, а мы все глубже уходили под воду. Волны накрывали с головой, мы все бились за жизнь, и никак не получалось глотнуть воздуха...

Кто-то должен был сдаться первым.

Я вырвал ее из машины в тот миг, когда ее руки ослабли, а у меня помутилось сознание и соленой водой обожгло легкие. Я так и не понял, терял ли его, но я потерял девчонку. Победив Николаса, вновь остался один...

Той ночью из океана я выбрался без Лены Холт, с сорванным от крика горлом и без сил. До утра искал ее снова и снова, бросался в воду и не находил... Поэтому на мысленный упрек: «Как далеко ты готов зайти, Картер Райт?», я отвечаю себе, что решил бы на многое, лишь бы достать Ника с того света.

Кто знает, возможно, если я переступлю все черты, у меня получится?

На часах час дня, светит солнце, и в этом людном месте, на пересечении улочек со множеством кафешек, в отражении стёкол я кажусь себе темной и мрачной фигурой – парень в черной куртке, с темными прядями, упавшими на лицо. Отвернувшись к дороге, я останавливаюсь и чиркаю зажигалкой, но внезапно засматриваюсь на яркое перо красного кардинала, медленно спускающееся ко мне с ветви одного из деревьев.

Оно планирует по воздуху – яркое-алое и невесомое, пока не ложится сначала на рукав, а потом и в ладонь...

– Эй, дядя, берегись! – незнакомый малыш пронесется мимо на самокате, заставив меня отшатнуться в сторону.

– Извините моего сына, мистер! Он только учится кататься! – следом пробегает тучная женщина, и я, уступив ей дорогу, задеваю кого-то плечом и слышу, как за моей спиной на землю падают коробки....

– Простите, я не хотел.

– Ничего страшного! Не волнуйтесь, это всего лишь декор. Вы ничего не разбили!

Я поворачиваюсь и уже наклоняюсь, чтобы поднять одну из коробок... когда мир вокруг меня вдруг шатается и разверзается пропастью, потому что я узнаю голос.

Глава 3

Из дневника Алекса Райта

«...Иногда мне кажется, что у Грегори Батлера напрочь отсутствует чувство юмора. Когда утром перед уроком английского Картер ответил ему на приглашение в церковь словами, что ходит туда только в свободное от грехов время, а сейчас занят, он обиделся.

Конечно, Картер любит шокировать людей, но мне кажется, Грегори даже не понял, что это была шутка. Хорошо бы его отцу поменьше давить на Грега. Так он рискует превратить его в свою копию, а все знают, что преподобного Батлера в нашем городе не очень-то любят.

Но это все неважно, я хотел написать о другом...

Сегодня я познакомился с самой красивой девочкой на свете. Нет, она вовсе не похожа на принцессу Жасмин, в которую я влюбился в детстве, но у нее самые красивые глаза и улыбка. А еще она очень любознательная и, кажется, не против стать моим другом...»

Это голос Лены, ошибиться сложно, я бы узнал его из тысячи! Он продолжает звучать в моей голове и шок оказывается настолько сильным, что я закрываю глаза, желая продлить эту иллюзию еще немного, чьим бы проклятием она ни была.

Мне показалось, иначе быть не может. Я так часто думал о ней, что память, выбрав момент, сыграла со мной злую шутку. А может, это начало моего сумасшествия?

Она умерла, мне пришлось в это поверить. Темноволосая девчонка-соседка, при взгляде на которую мое сердце однажды застучало, исчезла, а я себе этого не простил. И не забыл ничего из того, что случилось в наш последний вечер и чего я не смог изменить.

– Спасибо, не беспокойтесь, я сама!

Невозможно. В холодной воде с таким течением не выжить! И пусть сам я выбрался и выбирался несколько раз, но ее спасти могло только чудо!.. В которое я давно перестал верить.

Так неужели же чудо?..

Несколько секунд, пока я не могу открыть глаза, превращаются для меня в ад. Потому что, если это не она, останется лишь сунуть голову в пепел.

На девчонке белые шорты, сандалии и блуза цвета морской волны. Длинные, слегка вьющиеся волосы касаются лопаток. Она подхватывает коробки и торопливо спешит через дорогу в сторону распахнутого для посетителей кафе слетней площадкой – легкая и свежая в этот солнечный день, а я, как чумной, шагаю за ней следом, едва не угодив под колеса тяжелого пикапа...

Его водитель тормозит, визжат покрышки и, высунувшись в окно, он матерится в мою сторону. Но я его не слышу. Вце-

пившись пальцами в капот, я стою и смотрю на дверь, в которую она только что вошла...

– Картер! Вот ты где! Ну все, с Хиггинсом покончено – бумаги у меня! Уезжаем, чувак! Эта тварь теперь долго не очухается. Пусть только рыпнется, мы его тут же распотрошим, как индейку!

Это Стивен и Лукас. Они подошли и встали за моей спиной, словно черные крылья – продолжение меня самого. Крепкие, злые парни, так же, как я, насквозь пропитанные адреналином. Замерли, готовые в любой момент раскрыться и затянуть своей темнотой небо до горизонта. Даже такое погожее, как сегодня.

Мужик за рулем пикапа это чувствует и уезжает от греха подальше, а я опускаю голову, чтобы не выдать себя взглядом. Поворачиваюсь к парням, вдруг яростно желая, чтобы они исчезли. Не посмели переступить границу света и темноты, у которой я оказался.

– Убирайтесь, – шиплю. – Вон!

– Что? – удивляется Лукас. – Эй, Картер, ты двинулся? Какого черта! Мы же собирались это дело отметить...

Стив сообразительнее Палмера, потому предостерегающе берет его под локоть – за мгновение до того, как я уже готов сжать пальцы на шее Лу.

– Тихо, Райт. Что с тобой?

– Ничего, Стиви. Просто свалите нахрен отсюда! Сейчас же! Я должен остаться один.

– Здесь?

– Место не имеет значения. Ты против?

– Нет, чувак. Как скажешь.

Он не понимает, что случилось, но не привык задавать лишних вопросов, поэтому поворачивает Лукаса и хлопает того по плечу:

– Ладно, возвращаемся к Джебу, Лу! Ты бы тоже двинулся, если бы всё это провернул. Дадим Картеру выдохнуть. Тачка есть – доберется, не маленький!

– Да уж, спасибо, твою мать! Ты видел, он чуть не кинулся на меня!

– Забей! А лучше вспомни, что он для тебя сделал и заткнись!

Парни уходят. Скрываются из виду, возвращаясь к машине. Какое-то время ждут, но я не нагоняю их, и они уезжают, оставив меня одного. Но даже после их ухода духота не отпускает и продолжает висеть в воздухе, накрыв собой, как куполом, и сдавливая обручем грудь. Гонит прочь, не позволяя поверить собственным глазам.

Я снимаю с себя куртку, оставшись в футболке, но легче дышать не становится. Сердце бьется как сумасшедшее, и все, чего я хочу – увидеть лицо этой девушки. Сейчас! Иначе взорвусь криком, так велико во мне напряжение.

На летней площадке перед кафе сидят несколько посетителей с детьми. Я прохожу мимо и подхожу ко входу во внутреннее помещение. На секунду остановившись, вхожу в ка-

фе... и стоит мне оказаться внутри, как глаза сами ее находят.

Это она – Лена, сомнений нет. Или я сошел с ума. Она стоит возле рослого, полноватого парня, улыбается ему и что-то говорит, показывая рукой на стену. Обзор закрывают столики и работники кафе, пересекающие небольшой зал, но я так ошарашен, что не свожу с нее взгляда. Горло перехватывает сильное чувство, и чтобы справиться с ним, шагаю к ближайшему столику и медленно опускаюсь на стул.

– Здравствуйте! Рады вас видеть в нашем кафе! Что будете заказывать?

– Воды...

– И все?

– Что?

Я с трудом отрываю взгляд от Лены и перевожу его на подошедшую ко мне официантку – высокую светловолосую девушку лет двадцати пяти, с крепкой фигурой и косой на плече.

– Я спросила...

– Кофе! Принесите мне американо.

– А выпечку? У нас, мистер, всегда только свежая выпечка! Вот, ознакомьтесь с меню. Если вы заглянули к нам впервые, могу предложить вам чизкейк из рикотты с апельсином или сливовый пирог «Пандауди».

– Да.

– Что «да»?

– Принесите мне ваш чертов пирог!

У официантки странное выражение лица, но она уходит, а я продолжаю во все глаза смотреть на Лену...

Она изменилась. Стала взрослее и женственнее. Но ошибиться невозможно – это ее лицо, ее движения и мимика. Ее голос! Он долетает до меня негромкими звуками и бальзамом входит в кровь. Не помню, чтобы я когда-нибудь ощущал себя таким же взволнованным и живым, как сейчас.

– Вот ваш кофе, мистер. А вот пирог.

– Стойте! – я останавливаю официантку за руку, когда она, поставив передо мной заказ, собирается отойти от столика. – Скажите... кто это? Кто та девушка возле толстяка?.. Как ее зовут?

Если официантка до этого момента старалась быть вежливой, то теперь напрягается. Решительно отнимает руку и неожиданно встает между мной и Леной. Упирает кулак в бок, сердито сверкая взглядом.

– Для тебя – никак! Я сразу поняла, красавчик, что ты залетел не по адресу.

– Почему?

– Потому что это семейное десертное кафе, а ты даже не знал, чего хочешь! Не трудно догадаться, что не сливового пирога!

– Допустим. Так что во мне не так? Только это?

– В тебе много опасности и риска, у меня нюх на таких, как ты! Хочешь бифштекс с кровью – иди в ресторан напро-

тив, я с тебя даже денег за кофе не возьму. Но этот толстяк, как ты сказал – мой муж и хозяин этого кафе. А кто здесь работает – тебя не касается! Если будешь есть – ешь и плати! А хочешь трепаться – выйдешь откуда вошел! Эта девушка не для тебя!

Я внимательно смотрю на нее. Редко, когда девчонки решаются заговорить со мной в подобном тоне, но в ответе официантки нет зависти или пустой агрессии. Я действительно ей не нравлюсь... Потому что она переживает за Лену?

Но кто она ей такая?

– Я не хочу ее обидеть, даю слово.

– А глядя на тебя, красавчик, так не скажешь.

– И почему это звучит, как оскорбление?

– Потому что так и есть.

– И все-таки.

– Сначала ответь, зачем тебе знать?

Я думаю. Да, черт возьми, первый раз в жизни перед тем, как ответить незнакомой девушке, я думаю о том, как она воспримет мои слова.

– Мы только что случайно с ней столкнулись на улице, и она из-за меня рассыпала коробки. Я хочу извиниться.

– И все?

Нет, не все, но это ее никак не касается, кем бы она Лене не была.

Но мне не приходится отвечать, потому что Лена вдруг

отходит от хозяина и идет в нашу страну. Поравнявшись с девушкой, не замечая меня, наклоняется к ней и говорит, приобняв за плечи:

– Вот видишь, Пейдж, я была права! Дэвид понял свою ошибку и одобрил образцы! Уже через неделю все фигурки будут готовы, и мы сможем оформить детскую зону, как ты хотела. Ты, главное, не нервничай и береги себя, хорошо?

– Привет, Лена! Отлично выглядишь! – справа из-за широкого прилавка с выпечкой отзывается молодой парень, и девушка, повернув голову, машет ему рукой:

– Привет, Тоби! Ты очень мил!

– А сегодня пойдешь со мной на свидание? Я заканчиваю в семь!

Она улыбается. Я вижу, как ее мягкие губы раскрываются и затаиваю дыхание. В ожидании ответа подаюсь вперед, что есть силы сжимая в пальцах чашку...

– Нет, Тоби. Мне нужно закончить работу для Пейдж. Давай в другой раз!.. Позвони мне, – и вновь обращается к девушке:

– Думаю, вечером уже смогу показать тебе эскиз спальни!

Она поворачивается, подхватывает со столика у стены две коробки, и уходит. Толкнув двери, исчезает на улице, а я не сразу нахожу в себе силы встать. Достав из брюк бумажник, кладу купюру на стол и, схватив куртку, бросаюсь за ней из кафе. И вновь едва не попадаю под колеса автомобиля...

Она должна меня ненавидеть – это точно. Простить то,

как я поступил с ней в тот вечер, нельзя. Но идти молча по ее следам не получается – уж лучше ее гнев! Я просто не могу выдержать этой паузы неизвестности. Больше не могу! Мне нужно знать, что с ней случилось...

– Лена? Стой, Лена!

Она спешит прочь от кафе по людной, кленовой аллее, но услышав свое имя, резко останавливается и медленно поворачивается. Безошибочно найдя меня взглядом, смотрит так, словно ее что-то удивило в моем голосе.

– Лена... – я замираю перед ней в трех шагах, не в силах приблизиться. В этот момент я, кажется, не дышу, давая себя рассмотреть.

Она хмурит лоб и вдруг, выронив коробку, касается ладонью виска, точно чувствует под кожей пульсацию. Молчит несколько долгих мгновений, прежде чем отозваться:

– Простите, мы... знакомы?

Глава 4

Теперь молчу я. Скрывая свое изумление, наклоняюсь за упавшей ношей, но не спешу возвращать ее девушке.

Неужели... Нет, не может быть. Мне сложно поверить в то, что она жива. Но еще сложнее в то, что забыла меня.

Ее темно-русые, шелковые волосы шевелит ветерок... Они больше не короткие, как тогда, когда я их обрезал, а густой волной рассыпались по плечам. Сочные губы такие же мягкие и нежные, как я запомнил. А глаза... их чистый взгляд не замутнен ничем. Ни воспоминанием, ни обидой... ни ненавистью. Светло-карие с теплой зеленой, ее глаза смотрят на меня так же внимательно, как в первый раз, когда мы друг друга увидели...

Я отвечаю прежде, чем понимаю, что говорю:

– Нет. Я услышал твое имя в кафе. Это со мной ты столкнулась на улице и убежала, а я не успел загладить свою вину.

Она выдыхает, словно от моего объяснения ей становится легче, и пробует улыбнуться.

– А-а, да. Ничего страшного, не переживайте! Это я виновата – часто думаю о своем и совсем не смотрю под ноги.

– Можно тебя проводить?

– Что?

Меня притягивает к ней ближе.

– Я хочу тебя проводить, – мне казалось, что за последние

годы я совсем разучился улыбаться, но сейчас, при взгляде на Лену, это получается само собой. Еще неуверенно, но это точно та радость, которую я чувствую и не могу скрыть. – Разреши мне, пожалуйста!

Мягко отняв у нее вторую коробку, поднимаю обе в руках.

– Я помогу тебе их донести!

Перед ней незнакомец, и она хочет отказаться. Я это чувствую, наверное, лучше, чем она сама. Но мы продолжаем смотреть друг на друга, и что-то мешает ей это сделать.

– Я живу здесь недалеко. Разве что тебе не составит труда, – все же соглашается.

– Ничуть. Я привык носить девушкам коробки.

– Правда?

– Нет, просто несу чушь. Не хочу тебя отпускать.

Она улыбается смелее:

– Я догадалась.

– Тебе не стоит меня бояться, поверь.

– Я не боюсь.

– Как только захочешь, скажи, и я уйду.

– Я бы пожала тебе руку, но они у тебя обе заняты. Лена Мартен.

– Что? – я не сразу понимаю, о чем она.

– Меня зовут Лена Мартен. А тебя? Хочу знать, как зовут парня с самыми синими глазами на свете.

Такой простой вопрос, а под ногами будто проносится вся жизнь. И память, словно тень черных крыльев, на мгновение

заслоняет собой взгляд, возвращая ему темноту. Но я тут же прогоняю ее прочь.

Нет, пусть будет синева, если она так хочет!

– Алекс. Меня зовут Алекс!

Лена

Что со мной происходит? Что не так с его голосом? Он волнует меня, оплетает звуками и парализует. Заставляет стучать сердце с той самой секунды, как Алекс произнес мое имя, а я, оглушенная чувством дежавю, замерла на месте.

Но почему я так странно реагирую на этого парня, будто забыла о личном пространстве, которым всегда ограждала себя от мужского внимания? Почему согласилась на его просьбу? Мы знакомы всего двадцать минут, он проводил меня и ушел, как обещал, а я стою на пороге своей маленькой квартирki-студии и не узнаю сама себя. Прислушиваюсь к привычной тишине вокруг, которая больше не кажется уютной, а вдруг звенит ожиданием...

Так бывает, когда замираешь над белым листом бумаги с кистью, на кончике которой уже лежит акварель. Или пробуешь ноты и ждешь, какой же выйдет мелодия.

Странное ощущение. Очень необычное. Неужели Пейдж была права, когда сказала, что я не смогу всю жизнь бегать от отношений и однажды они сами меня найдут?.. Поверить

такому сложно, но удивительное всегда происходит неожиданно – это я вряд ли рискну оспорить, ведь он мне понравился – этот Алекс. Очень. Я должна это признать.

И все-таки...

И все-таки надеюсь, что не совершила ошибки, когда согласилась дать ему свой номер телефона.

Я снимаю сандалии и включаю светильник. Беру коробки, заношу их в комнату и ставлю возле письменного стола. Не спеша разбираю образцы настенного декора, пока голова занята совершенно сторонними мыслями. В них я продолжаю видеть улыбку парня и синие глаза. Ямочки на щеках. Слышать его голос, который почему-то кажется мне знакомым.

Впрочем, когда-то я в каждом втором человеке искала свое прошлое и не находила. Увы, так бывает, когда не можешь вспомнить половину своей жизни.

Я вздыхаю и открываю ноутбук. Ухожу в ванную комнату, чтобы расчесать и убрать волосы в хвост. Вернувшись в комнату, сажусь за эскиз спальни, и проходит не меньше часа, прежде чем я подхожу к кухонной панели и включаю электрический чайник. Пока он нагревается, отступаю к окну и случайно отодвигаю жалюзи...

В моем доме живут пенсионеры, студенты и эмигранты. Здесь много соседей, но каждый занят собой, и когда-то я сама выбрала это место из-за людской суеты. Мне хотелось спрятаться в ней, как в коконе, оставшись за собственными стенами. Вот и сейчас кто-то проходит мимо по аллее, кто-

то проезжает, не замечая сидящего на скамейке парня...

Он больше не улыбается, а выглядит серьезным и задумчивым. Наверное, мне стоит испугаться: почему он до сих пор здесь? Почему не ушел? Но мы были вдвоем у двери моей открытой квартиры, и он не причинил мне вреда.

Не знаю, почему у меня нет страха перед ним. Перед этим темноволосым красивым парнем, который всю дорогу, пока мы шли к моему дому, оставался собой, не стараясь произвести на меня впечатление. Конечно, его прямота немного шокировала, но также и подкупала.

Что в нем такое, что я не могу просто взять и задержать жалюзи, оставив его за ними одного?

Почему мое сердце забилося чаще, стоило увидеть его вновь?

Он поднимает голову и находит меня в окне. Смотрит молча, словно прикипает взглядом.

Я беру в руку телефон, показываю ему, и он догадывается. Набирает мой номер:

– Привет, принцесса.

– Алекс? Разве ты не ушел домой?

Он смотрит долго, прежде чем ответить:

– Нет.

– Почему?

– Мне понравилось здесь. Решил отдохнуть.

– А если серьезно?

– А если серьезно... – в динамике слышен его размерен-

ный вдох. — Я не бездомный, но у меня такое чувство, что мне больше некуда идти.

Не знаю, говорит ли он правду — я не из тех людей, кто умеет читать мысли других. До него не предлагала свое общество никому, а ему говорю:

— Поужинаешь со мной?

И улыбаюсь, когда слышу в ответ:

— Буду рад.

Глава 5

– Лена Мартен... Какая необычная фамилия. Точнее, я никогда прежде не встречал такой. Твои предки были французами?

– Да, мой прадед попал в Америку еще во вторую мировую войну и здесь остался. Это мамина фамилия, я никогда не знала своего отца. Знаешь, несколько лет назад я каталась с Чарли на катере, упала за борт и едва не утонула. А когда очнулась, то ничего не помнила. Единственное, что смогла назвать, это имя мамы – Адели Мартен, и то не сразу. Так что моя фамилия мне очень дорога.

Мы сидим с Алексом в моей квартире за небольшим столом, расположенным в кухонной зоне, и едим пасту с сыром и ветчиной, запивая всё соком. Услышав о происшествии, которое едва не стоило мне жизни, Алекс мрачнеет и застывает с вилкой в руке, странно-тоскливо глядя на меня.

– Кто такой Чарли?

– Это мой дедушка. Но я его почти не помню, как и половину своей прошлой жизни. Так что я не совсем обычная девушка, иногда со мной непросто.

Однако я не хочу, чтобы он грустил и приподнимаю уголки губ.

– А что именно ты помнишь, Лена?

– Очень хорошо детство. Аризону, Техас... Подругу Ка-

миллу, с которой мы вместе ходили в школу в Хьюстоне. Наш подержанный «Форд», небольшие квартирки, вот как эта, и дороги, дороги... В Хьюстоне мы прожили с мамой почти два года, а до этого много переезжали. А потом провал. Не черный и пустой, а будто затянутый туманом. Иногда в нем проступают какие-то лица, особенно во сне, но стоит проснуться... как они сразу же исчезают. Мой врач считает, что я сама не хочу их помнить. Странно, правда?

– Почему?

– Потому что в памяти остались все знания, полученные мной за последние годы. Исчезли только люди и окружение. Словно сознание само их стерло.

Пальцы Алекса крепко сжимают вилку, и я пробую перевести разговор:

– Извини, не хотела тебя расстроить. Так вышло. Лучше расскажи о себе.

– Нет, мне интересно! Скажи, Лена... как ты все перенесла?

Похоже, ему действительно интересно, и я признаюсь:

– Первый год после выздоровления было очень сложно – у меня были глубокие порезы на ногах, рассечен лоб и сломана лодыжка. Я была все время в подавленном настроении и ничем не могла это объяснить. Но мама очень хотела, чтобы я жила дальше и многое для этого сделала. Я не могла ее подвести.

Алекс удивляется так искренне, что его мимика вызывает

у меня улыбку.

– Твоя мама? То есть, я хочу спросить... Она все это время была с тобой?!

– Ну, конечно! Мы с ней очень близки. Правда, она из тех людей, кто не любит сидеть на месте. Последние два года она много путешествует.

– Дай угадаю. Проводит время на каком-нибудь лайнере в Средиземном море?

Я смеюсь.

– Нет, ты что! Не угадал! У нее сейчас экспедиция в штате Монтана по заповедным местам. Ее группа изучает разломы возле хребта Флинт-Крик. Она всю юность мечтала стать геологом, но Чарли был против. Он растил ее один и в семнадцать лет заставил выйти замуж за одного богатого человека, после чего мама много лет с отцом не общалась. Так что ее любимая одежда сейчас, это джинсы, кроссовки и бейсболка.

– А ты здесь одна?

– Не совсем. Я с Пейдж и Дэвидом. У них небольшое десертное кафе неподалеку отсюда. Иногда приезжает Чарли.

– Они тоже твои родственники?

– Нет, хотя мы очень близки и часто видимся. Это они нашли меня в ту ночь.

– Расскажи мне, Лена! Как это было? Где они тебя нашли?

Мне не очень приятно об этом вспоминать, но глаза Алекса ждут ответа, и я продолжаю:

– На берегу, выше Морхед-сити. Только представь: ночь

под звездами, палатка на двоих, Дэвид организовал романтическое свидание и сделал Пейдж предложение, а тут я... Конечно, я всего этого не помню, но Дэвид сразу же отвез меня в клинику. Пейдж потом рассказывала, что было жутко. Я не подавала признаков жизни и напоминала белого дельфина, выброшенного штормом на берег. Они попали в такую ситуацию впервые и не знали, что делать – то ли бросить меня и ехать за помощью, так как средства связи намеренно оставили дома, то ли сразу везти самим. Дэвид потом признавался, что будь они опытнее и хладнокровнее, они бы оставили меня лежать на берегу до приезда полиции. Но Пейдж страшно испугалась и все время кричала: «А вдруг она жива? А вдруг она жива, Дэвид?! Я не хочу, чтобы они засунули ее в морг!»

Я делаю глоток сока и грустно улыбаюсь:

– Теперь в их семье это добрый мем. Стоит кому-то прихлопнуть муху, как другой обязательно выкрикнет: «А вдруг она жива?!»

– Это страшно.

– На самом деле, да. Сейчас я рассказываю обо всем с улыбкой, а тогда только благодаря их растерянности и желанию Дэвида показаться мужественным перед Пейдж меня спасли. Еще бы немного времени на холодном берегу, и вся моя жизнедеятельность завершилась бы до приезда полиции. А так я оказалась в одеяле на заднем сидении пикапа. Будешь еще сок?

Алекс смотрит серьезно. На его лице нет и тени улыбки.

– Я хорошо помню то время, но ничего не слышал о спасенной девушке на побережье, – говорит он. – В прессе и на телевидении не было никаких новостей.

– Когда я ненадолго пришла в себя, то назвала имя мамы, а она запретила полиции придавать мою историю огласке. Тогда она ушла от мужа и переживала тяжелый развод, думаю, это тоже стало причиной почему она не хотела, чтобы кто-то знал, где мы. Ее привез в Джексонвилл дедушка и первое время очень нам помогал – той ночью они помирились, но я никогда не спрашиваю их о прошлом. Ты еще не устал меня слушать?

– Нет. А что твои друзья сейчас?

– Пейдж и Дэвид? Продолжают меня опекать, но мне удастся потихоньку отвоевывать свободу. Адели их обожает и целиком доверяет. Они считают меня своим крестным ребенком, хотя сами ненамного старше.

Вот сейчас Алекс позволяет себе улыбнуться.

– Пейдж – эта та светловолосая фурия с косой из кафе? – спрашивает, морщась. – Похожая на амазонку? Она готова была меня поколотить, когда я спросил ее о тебе! Хочешь правду? – он наклоняется ближе и накалывает кусочек ветчины из моей тарелки на свою вилку. Сунув его в рот, смотрит в глаза, приподнимая бровь. – Если бы пришлось угадать, кто из них в ту ночь испугается больше – я бы поставил на Дэвида!

Что? Я смеюсь. На самом деле он близок к истине и мне

легко с ним вдвоем.

– О, да, – признаю, – Пейдж боевая девушка! Но вообще-то она очень хорошая. Не обижайся на нее, они с Дэвидом сейчас ждут малыша, и она стала немного нервозная. Вот в этих коробках, которые ты принес, – показываю взглядом в комнату, – кое-какие образцы. Они хотят сделать сказовочную зону в кафе для самых маленьких посетителей, и я пытаюсь им в этом помочь. Нанять дизайнера стоит денег, а у них их немного. Так что попробуем справиться своими силами.

– Тебе нравится дизайн?

– Да. Я изучаю его в университете. А ты, Алекс? Чем занимаешься ты? Наверное, – догадываюсь, в свою очередь стянув из его тарелки кусочек ветчины и сунув себе в рот, – гоняешь с утра до вечера на мотоцикле и кружишь девушкам головы?

Он не против такой игры, и тут же берет из моей тарелки следующий вкусный кусочек.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, – я немного смущаюсь. Одно дело подумать, а другое – произнести в слух. – Ты симпатичный. И как бы это сказать...

– Говори, как есть.

– Не выглядишь скромным и стеснительным.

Он прячет улыбку за стаканом с соком, а вот у меня так не выходит.

– Да, я люблю мотоциклы, ты угадала. А вот насчет девушек... Если и кружу головы, то не намеренно. У меня нет такой цели. – Он отставляет стакан на стол и смотрит на меня. – И девушки тоже нет.

– Э-м...

– И не было никогда, Лена.

Господи, почему я так покраснела? Даже кончики ушей вспыхнули, словно это личное признание сказано не просто так. Но я стараюсь этого не показать, и вспоминаю о тарелке с пастой, зашевелив вилкой.

– Ну, в это трудно поверить.

– Я не говорю, что не знаю, как это – быть с девушкой. Знаю. Но ни одну из них мне никогда не хотелось назвать своей.

– Э-э, м-м... – от смущения я поправляю волосы и кусаю губы. Казалось бы, он говорит о себе, но почему у меня такое чувство, что ему важно, чтобы я поверила? Ведь мне легко солгать. – Так чем ты занимаешься?

Он несколько секунд молчит, но потом произносит:

– Изучаю экономику и право в университете. Работаю в фирме отца. У него строительный бизнес – магазины и склады со стройматериалами. Иногда это даже интересно.

– Значит, хочешь стать адвокатом?

– А ты дизайнером?

Я вздыхаю и откладываю приборы. Он словно чувствует мои сомнения.

– Не знаю. Мне нравится проектировать и рисовать, воплощать идеи в жизнь... но есть кое-что, к чему бы я хотела вернуться.

– И?

– Но не могу.

– Ты мне расскажешь?

Алекс смотрит очень внимательно и серьезно. Протягивает руку и вдруг осторожно касается моих пальцев своими. И как только это происходит, меня тут же пронзает ток, и я вздрагиваю. Удивленно распахиваю глаза, затаив дыхание, пока сердце бешено бьется в груди.

– Возможно, но не сейчас.

Он встает из-за стола и идет в прихожую. Обувается, и снова, обернувшись у двери, смотрит на меня.

Я знаю, о чем он думает – это читается в его взгляде. Сложнее разобраться в самой себе. Понять, что происходит со мной? Мы знакомы с ним всего несколько часов, а я думаю о том же самом...

– Спасибо за ужин. До встречи, Лена.

– До встречи, Алекс.

Он кусает нижнюю губу и выходит из квартиры. Уходит, не обернувшись. Идет по улице, резковато минуя прохожих, пока я наблюдаю за ним из окна.

Не может быть, чтобы у него не было девушки.

Почему-то эта мысль ревностно царапает сердце.

А вслед за ней удивляет и другая: а что будет, если он сей-

час исчезнет из моей жизни так же внезапно, как появился,
и больше никогда не позвонит?

Глава 6

Ближе к вечеру звонит Пейдж. Она, как всегда, много щебечет о своем, и вдруг между прочим интересуется, не приставал ли ко мне парень на улице? И если да, то не собираюсь ли я звонить в полицию или приехать к ним с Дэвидом?

– Он на тебя так таращился в кафе, словно привидение увидел! Глаз не отводил! Я сразу поняла, что он не за десертом к нам заглянул! Скажите мне, говорит, кто эта девушка! Несите мне ваш чертов пирог! А сам такой подозрительный, даже ничего не попробовал!

– Не приставал. Мы познакомились с ним и поужинали.

– Лена, – голос подруги сразу становится тверже, – берегись. Он разобьет тебе сердце!

– Он мне понравился, Пейдж. Очень!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.